СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ: ПЕРЕЗАГРУЗКА МЕЙНСТРИМА

© 2021 г. В. Мартьянов, Л. Фишман

*МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент,
Институт философии и права УрО РАН, РФ, 620137 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
(martianov@instlaw.uran.ru).*

*ФИШМАН Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор РАН,
Институт философии и права УрО РАН, РФ, 620137 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
(lfishman@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 01.08.2020.

После крушения биполярного мира в глобальной иерархии социальных наук сложился неолиберальный мейнстрим, выстроенный на *трех аксиоматических китах*: господстве Запада, капитализме (свободный рынок) и либерализме (ценность индивидуальной автономии). В настоящее время все чаще можно наблюдать процессы критики и распада мейнстрима, претендовавшего на универсальность описаний и легитимации современных обществ, достигших *конца истории* в виде рыночных либеральных демократий *открытого доступа*. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, каким образом трансформации господствующих политико-экономических порядков, конфигурации субъектов геополитического доминирования и легитимирующих их метафор определяют направления изменений обществоведческого мейнстрима. Обосновывается гипотеза, что превалирующие принципы стратификации и распределения общественных ресурсов будут все реже ценностно и институционально связаны с капитализмом, рынком, демократией, так как апелляция к последним на практике не ведет к росту доступных возможностей для большинства населения.

Ключевые слова: социальные науки, мейнстрим, метафора, альтернатива, кризис легитимации, центр–периферия, рента, рентное общество, социальная онтология, социальная стратификация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-100-113

Имеет место устойчивая точка зрения, согласно которой “поскольку наука интересуется устойчивым и типичным, основная задача языка любой науки, наряду с собственно коммуникативной, подготовка предмета исследования к математическим методам интерпретации. Вне таких методов современная наука не существует” [1, с. 68]. Представляется, что такие редукционистские утверждения применимы только к естественным наукам, нацеленным на поиск истины, в которых возможно полное разделение субъекта и объекта. Если общественные науки претендуют на определение *блага* для общества и/или человека, которые неизбежно являются включенными в объект исследования, то подобная редукционистская задача неразрешима в принципе. Более того, эта задача неразрешима даже в квантовой физике, в которой измерение объекта одновременно является его изменением.

Ключевая цель общественных наук — предложение вариантов урегулирования насущных социальных проблем, исходя из результатов осмысления социально-политических феноменов и процессов. Решая подобные задачи, общественные науки одновременно выполняют функции легитимации политического порядка, а это их специфическая функция, которая напрямую отсутствует

у наук о природе [2, с. 251]. Доминирующая парадигма, в рамках которой осуществляются такое осмысление и легитимация, будет далее называться социально-политическим или обществоведческим мейнстримом. Политология, социология, экономика и в целом науки об обществе имеют общие метапарадигмальные основания, сформировавшиеся до их дисциплинарного разделения, из которых проистекают совместные базовые представления о человеке и обществе, сакральном и профанном [3]. Мейнстрим в качестве ценностного ядра образуется на пересечении всех проблемных полей общественных наук в конкретно-историческое время, характеризуясь синтетической природой. Существует не всегда очевидная связь социологических, экономических, политологических парадигм с определенными идеологиями и утопиями, политико-экономическими порядками, с интересами определенных социальных групп, а также участниками борьбы за классовое и геополитическое доминирование. По мере утраты доминирующих позиций классовыми, геополитическими, экономическими субъектами, исходя из интересов которых были сформулированы парадигматические основания мейнстрима, предлагаемые последним постановления исследовательских вопросов и решения разного рода задач становятся все менее

адекватными. В то же время с уменьшением влияния прежних субъектов доминирования, утратой эвристичности отвечающих их интересам научных теорий появляются предпосылки для формирования новых научных парадигм. Тем самым мейнстрим репрезентирует общество, воспринятое сквозь призму классовых интересов доминирующих групп и их представлений, определяющих в данный исторический момент социальную норму и основания социально-политического и экономического порядка [4].

Таким образом, социальные теории и идеологии являются результатом наблюдения и оценки социальной реальности глазами неких субъектов, действующих в этой реальности. Социальные сдвиги/изменения напрямую связаны с изменением состава этих субъектов, которые начинают смотреть на социальную реальность по-другому, менять привычные представления о ней. В подобной перспективе фоновыми факторами расширения пространств *гетерархии* и запуска социальных изменений выступают социальная онтология и стратификация, а также идеологии коллективных субъектов, связанные с их интересами и фиксируемые в идеях определенного ценностного спектра [5]. Востребованные *поднимающимися* социальными группами идеи, концепции, идеологии усиливают свое влияние в иерархии политического знания и обретают научный статус взамен развенчанных теорий бывших гегемонов, которые девальвируются до *ложного сознания*, идеологий и мифов. Поэтому становление и упадок обществоведческого мейнстрима обусловлены конфигурацией следующих основных факторов: господствующий в глобальном масштабе политико-экономический порядок и легитимирующие его идеологии; конкретно-исторический характер геополитического доминирования и его субъект.

ФАКТОРЫ ВЗЛЕТА И ПАДЕНИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО МЕЙНСТРИМА

В представленном выше методологическом контексте период с середины XIX в. до начала 1990-х годов в глобальном масштабе определялся: 1) господством капитализма (после Великой Октябрьской революции и Второй мировой войны – не безраздельным); 2) геополитическим господством Запада; 3) высокой степенью плюрализма политических порядков и легитимирующих их идеологий как внутри самого Запада, так и за его пределами, притом что после Второй мировой войны такое разнообразие существенно снизилось. Все это предопределило развитие национальных обществоведческих школ, прежде всего в СССР (в виде развития марксистской теории и построения некапиталистического общества), ключевых

европейских странах (Великобритания, Франция, Германия и др.) и США, которое в течение большей части XX в. препятствовало формированию глобального мейнстрима. Однако к концу XX столетия произошла значительная унификация глобального экономического и политического порядка. При общем доминировании капитализма потерпели крушение или интегрировались на правах периферии в глобальную капиталистическую мировую систему страны, ранее пытавшиеся построить альтернативный ей мировой экономической порядок. В идеологическом и геополитическом контекстах к концу XX в. потерпели поражение СССР, его сателлиты и общая идеология коммунизма. На некоторое время установилось никем не оспариваемое геополитическое доминирование США, гласное или молчаливое признание идеи саморегулируемого конкурентного рынка как самой эффективной модели экономики, либеральной демократии – наилучшим из политических режимов, а либерально-демократической идеологии – наиболее отвечающей интересам подавляющего большинства жителей планеты.

Тем не менее следует особо подчеркнуть, что неолиберальный дискурс с самого начала был атрибутивным дискурсом, отталкивающимся от ущербности, от констатации *порчи капитализма*. Он исходил из того, что настоящий, *здоровый* капитализм фундаментально испорчен государственным регулированием рынков, левыми идеями государства всеобщего благосостояния, высокими налоговыми нагрузками на бизнес. В результате западные общества утратили базовые буржуазные добродетели и “достижительную” протестантскую этику, которые можно *отыграть обратно* волевыми усилиями и соответствующей политикой. Иными словами, это с самого начала была гибкая и прагматичная разновидность более общего дискурса *ремонта капитализма*.

В условиях доминирования дискурсов *транзита, модернизации, саморегулируемого рынка, неограниченного роста и конца истории* сложился неолиберальный мейнстрим – иерархия глобального знания, выстроенная на *трех своеобразных китах*: господстве Запада, капитализме и либерализме. Уже в самом начале апологии западной однополярности было наивно полагать, что глобальный триумф США и шире – Запада продлится долго, так как мировая история, экономика и политика не знают вечных победителей. Даже в рамках самих дискурсов транзита и модернизации подразумевалось, что такое господство не может быть вечным, поскольку ранее отстающие страны обречены перенимать институты, идеологии и практики стран-лидеров с вытекающими отсюда последствиями. В настоящее время все основания постбиполярного мейнстрима оказались критически уязвимы в силу из-

менения равновесия классовых и геополитических субъектов. Релевантность его ключевых понятий и концепций падает, так как ценностно-институциональные основания политико-экономического порядка глобального общества продолжают изменяться.

1. Капитализм все чаще обнаруживает глобальные пределы модели бесконечного экономического роста и признаки исчерпания свободных рынков, конкуренция на которых постоянно обостряется и все чаще регулируется вне рыночными методами. Таковы, например, глобальные рынки природного сырья (нефти, металлов, золота, алмазов), медикаментов, технологий, регулируемые транснациональными олигополиями производителей или даже межгосударственными картельными соглашениями типа «ОПЕК+», чье существование прямо противоречит принципам свободной конкуренции. Кризис саморегулируемых рынков и нарастающая критика идеи свободного рынка как слева, так и справа, который обещал рост доступных возможностей для всех, но фактически обеспечил его лишь для немногих социальных слоев и обществ капиталистической миросистемы [6, с. 47], становится фоном для разворачивания альтернативных теорий рентного общества [7] и посткапитализма [8]. Эта критика усиливается на фоне повсеместного сокращения ресурсов и механизмов социального государства.

Явные глобальные пределы свободных рынков обуславливают поворот от справедливости, связанной с потенциальным ростом доступных возможностей для всех участников конкурентной борьбы на рынках капитала, товаров и рабочей силы, к левой модели справедливости, связанной с установлением более эгалитарного доступа для всех к уже имеющимся ресурсам. Чувствительность современных обществ к подобным идеям растет с середины 1970-х годов, будучи обусловлена тенденцией увеличения доходного и имущественного неравенства граждан, а также стагнацией реальной покупательной способности зарплат работающего населения Европы и США [9]. Более того, ресурсные, технологические, демографические и иные пределы роста диктуют стратегию не просто перераспределения, но и все более устойчивого политического передела этих ресурсов. Политическая логика передела набирает легитимность как в геополитическом измерении – между уходящими и поднимающимися гегемонами, так и внутри современных обществ. Все популярнее становятся прогрессивные налоги на наследство и крупную собственность. Последние до недавнего времени были *священной коровой* капитализма, но даже в США находят все больше сторонников в результате коммунистического поворота, диктуемого экономической стагнацией.

В настоящее время передел конечных жизненных ресурсов все чаще начинает осуществляться по внеэкономическим, политическим сценариям, которые пишутся вовсе не *невидимой рукой рынка*, но вполне земными политическими субъектами, чьи интересы далеки от универсальности. Кроме того, выясняется, что «успешный опыт Китая и Индии, а до них – Японии и “восточноазиатских тигров”... может мало сообщить об относительных преимуществах рыночного либерализма и социал-демократии» [10, с. 42]. Экономические и идеологические трансформации рыночного капитализма все интенсивнее проявляются в формировании языка описания общества с позиций новых социальных субъектов: прекариата (Г. Стэндинг), бегущей буржуазии (Д. Брукс), креативного класса (Р. Флорида), *множеств* (А. Негри, М. Хардт), *андеркласса*, *NEET (Not in education, employment nor training* – люди без образования, занятости и трудовых навыков) и т. д. Новые понятия фиксируют необратимые изменения социальной онтологии, но в то же время указывают на аморфность и неустойчивость возникающих социальных групп, которые пока являются скорее следствиями распада привычных экономических классов, чем устойчивыми элементами будущей социальной стратификации. Для описания новой социальной структуры сложившегося языка еще нет, так как новая онтология в окончательных чертах еще не состоялась, демонстрируя скорее промежуточную ситуацию неопределенности и утраты доверия к прежним описаниям. Отсюда проистекает социально-политическая риторика общественных наук с расширенным использованием неологизмов, метафор, разнообразных пост-, нео-, квази- и т. д. В ходе рентной трансформации глобального капитализма общество постепенно обретает альтернативный язык описания, вырабатываемый новыми социальными группами.

2. Либерализм перестает выступать непоколебимым метаоснованием базовых координат политических идеологий и связанных с ними этических и управленческих решений. Все чаще он предстает в своей радикальной неолиберальной версии, которая не может служить идейной основой для широкого социального согласия, связанного с механизмами демократического согласования интересов и коммунистическими ценностями [11]. В этом смысле неолиберализм – это *фактический* возврат к узкому и недемократическому пониманию эгалитарности классического либерализма XIX в., ограниченному всяческими цензами и минимальными процедурами электорального участия неэлит. Нарастающая дисфункциональность привычных ценностных и онтологических координат *либерального консенсуса* великих современных идеологий обостряет проблемы легитимации политического

порядка в западных странах. Этот порядок теряет опору на сокращающийся средний класс, все чаще генерируемый не рынком, а государством (Китай, Россия), и испытывает нарастающие вызовы несистемных движений, образующих альтернативные ценностные координаты политики [12]. Либерализм не раз обнаруживал ограниченность своих ценностных, идеологических представлений, связанных с интересами конкретно-исторических классовых субъектов и способов распределения общественных ресурсов, которые он пытается сделать внеисторичными и всеобщими на основании неубедительных допущений об абстрактных индивидах, окруженных *завесой незнания, позволяющей принимать справедливые решения в интересах каждого* [13]. Все шире распространяются альтернативные либерализму политические, экономические и этические регуляторы, такие, например, как этика добродетели, корпоративные и двойные стандарты, популизм [14]. Наконец, представительные демократические институты в силу падевания военной и трудовой ценности большинства населения перестают быть эффективным основанием политического участия народных масс [15]. Трансформация социальной структуры ведет к институциональному кризису представительной демократии. Последний выражается в усилении разнообразного национал-популизма, реагирующего на новые общественные запросы и симптомы системного кризиса рыночного капитализма, но вряд ли могущего их удовлетворить в долгосрочной перспективе. Нередко звучит критика модели элитарной демократии и политических элит, которые приватизировали публичную сферу, переставшую быть (за исключением стихийных всплесков несистемной активности) областью реального проявления интересов большинства, проявления интересов значимых социальных групп. Экспансия специфической модели *homo oeconomicus* в качестве универсальной во все сферы жизни общества ведет к тому, что «одним из важнейших следствий неолиберализации становится подавление и без того анемичного *homo politicus* либеральной демократии – подавление, имеющее огромные последствия для демократических институтов, культур и воображаемого» [16, с. 119]. Наконец, исчерпало себя само понимание *свободы*, укорененное в социальной онтологии либерализма, а также в целом в либерально-консервативно-социалистическом консенсусе реформированного капитализма второй половины XX столетия. Причем как в позитивном, так и негативном плане. Потому что свобода, хотя и ассоциируется с либерализмом, не исчерпывается ее либеральным пониманием, поскольку у либерализма нет монополии на идею свободы. В античности была своя идея свободы, в эпоху Возрождения и Реформации – неоримская, это уже

не говоря о левых инвариантах либеральной идеи. В широком смысле свобода подразумевает доступ к возможностям. Если доступ сокращается для все большего числа людей или же в силу разных обстоятельств меняется сам спектр доступного и желаемого, то терпит упадок и сама идея свободы. Новая парадигма политологического мейнстрима поэтому подразумевает новую идею свободы.

В подобных условиях процедурная или электоральная демократия становится имитационным институциональным скелетом, в то время как реальное содержание и цели политики даже в *развитых демократиях* все чаще определяются партикулярными интересами влиятельного меньшинства [17]. Базовые принципы функционирования демократии в *образцовых* западных обществах подвергаются многочисленным экспертным, плебисцитарным и популистским манипуляциям со стороны элит [18]. Многие исследователи приходят к выводу о кризисе и упадке представительной модели демократии, завышенной оценке возможностей ее всестороннего положительного влияния на жизнь общества (К. Крауч [19], П. Майр [20]). Сравнительная статистика 135 государств на протяжении последних 30 лет, обобщенная К. Клаасеном, показывает, что расширение демократических процедур и институтов само по себе не является залогом последующей устойчивости демократии. Наоборот, парадоксальным образом последовательная демократизация часто ведет к нарастанию ее внутренних противоречий и деконсолидации, снижает уровень доверия к демократическим институтам в ситуации, когда расширяются требования всевозможных меньшинств, противопоставляющих себя большинству. Элиты в этом случае начинают вести свою игру, подменяя *правление народа*, а демократические завоевания оцениваются обществом как данные навечно и не предполагающие постоянного подтверждения коллективными демократическими практиками [21]. Поэтому в последнее время набирает популярность радикальный дискурс замены выборной демократии *демократией жребия*, где лица, принимающие решения, избираются и назначаются случайным образом. Это позволяет ослабить универсальные естественные тенденции, выраженные в *железном законе олигархии* (М. Острогорский), когда полномочия, возможности и ресурсы со временем концентрируются в закрытых группах и руках немногих [22].

3. Снижение влияния США и Европы выражается в критике тождества Запада и идеала политического устройства в качестве сконструированного политического мифа. Политические интересы Запада и либеральный политический порядок постепенно дифференцируются. Американскую гегемонию, расширяющуюся с 1945 г., все трудней

убедительно описывать как шествие демократии и либерализма, поскольку в действительности она является лишь механизмом выстраивания военно-политических и экономических иерархий и балансов в условиях биполярного мира и продвижения исключительно национальных интересов в пост-биполярный период [23]. Либеральный международный порядок все чаще критически оценивается как ложное *коллективное воображаемое*, поддерживать которое Запад более уже не способен [24]. И. Брафф отмечает усиление авторитарных тенденций неолиберализма в современных западных обществах, когда под предлогом безопасности граждан (политика секьюритизации) усиливается контроль государства со стороны элит и сворачивается неизбежно конфликтное публичное пространство демократии [25].

В XXI в. стремительно набирают военное, экономическое и демографическое влияние западные державы, чьи интересы расходятся с Западом и все убедительнее облачаются в альтернативные модели политологической, культурной, экономической и исторической легитимации. В частности, Китай в 2016 г. уже создал собственную, альтернативную Западу версию мировой истории экономической мысли в 11 томах [26]. Эти модели нередко выходят за пределы иерархии глобальных политических ценностей и институтов, установленной Западом. К тому же в условиях усиления протекционизма, маргиналистской экономической политики, ужесточения миграционной политики, обострения национализма и популизма, кризиса систем социального обеспечения сами западные общества зачастую оказываются не столь свободными, рыночными, демократичными и доступными для всех, как это заявлялось ранее в соответствующей политической риторике. Западные общества, интерпретируемые как образец для развития всех остальных обществ, на практике все заметнее расходятся с тем общественным идеалом, который они себе приписывали. *Испытывая давление тех же негативных фоновых тенденций, что и другие общества, связанных с достижением пределов рыночного насыщения, приостановкой экономического роста, сокращением массового рынка труда, усилением внеэкономической конкуренции и имущественного неравенства, сжатием социального государства и т. д., западные общества обнаруживают нарастающие проблемы с воспроизводством демократии, рынка и капитализма, которые ранее считались их неотъемлемой частью.* Это неизбежно сопровождается умножением практик всевозможных *двойных стандартов*, которые разрушают веру в универсальность и практическую возможность реализации принципов демократии, свободы, равенства, невмешательства, свободы передвижения, честной конкуренции и т. д. В то же

время все очевиднее успехи в развитии обществ, которые в разной степени не соответствуют либеральному, рыночному и демократическому канону. Более того, они и не собираются встраиваться в западную ценностно-институциональную иерархию, поскольку попытки институционального копирования и транзита уже не приносят западным обществам желаемого эффекта. Они лишь дают повод считать, что преимущества Запада обусловлены не только и не столько либерально-демократическими ценностями, институтами и практиками самими по себе, сколько их военной мощью, политическим давлением и центральным положением в актуальной капиталистической миросистеме, обеспечивающей внеэкономические выгоды ее бенефициарам и регуляторам.

Соответственно, теряют объяснительный и легитимирующий потенциал политологические и экономические теории, в которых Запад представляет собой источник ценностных и онтологических констант. В результате можно наблюдать процессы системного распада неолиберального политологического и экономического мейнстрима, претендовавшего на универсальность описаний современных обществ, достигших *конца истории* в виде рыночных либеральных демократий открытого доступа. Ключевой вызов мейнстриму заключается в том, что наблюдаемые трансформации социально-политических реалий современных обществ, рассматриваемые в качестве *исключений и отклонений*, на самом деле таковыми не являются. Все накапливающиеся отклонения в экономике, социальной структуре, изменении геополитического баланса, коллективных идентичностях и т. д. — это признак становления новых социальных закономерностей или устойчивых старых, которые субъекты неолиберального политологического мейнстрима пытаются либо не замечать, либо описывать в качестве временной патологии, *архаичных, маргинальных или периферийных* явлений. Однако в настоящее время таких исключений становится слишком много, что обуславливает неизбежность переосмысления самого мейнстрима.

В рамках мейнстрима затаенные кризисные тенденции современных обществ, отклоняющие их от нормативного идеала либеральных демократий, описываются в рамках *дискурсов гражданского ремонта* (Дж. Александер, [27]) или *культурной травмы* (П. Штомпка, [28]), исходящих из того, что рост наблюдаемых отклонений и социокультурные тенденции, плохо поддающиеся описанию привычным категориальным словарем, являются лишь временными кризисами. Эти *дискурсы ремонта* формулируются в виде локальных утопий, связанных с *креативностью* (классов, городов или экономик), цифровизацией, сетевизацией, роботизацией, инновациями, нанотехноло-

гиями, джентрификацией, смарт-технологиями, экономикой знания, капитализацией интеллекта, *плоским миром* (Т. Фридман, [29]), – любимыми концепциями, призванными показать, что рынок/капитализм не утратил способности расширять ресурсное пространство для всех вовлеченных участников. В действительности все эти новые истории рыночного успеха оказываются скорее историями возвышения разных *меньшинств* на фоне устойчивой стагнации доступных ресурсов и жизненных перспектив для *большинства*. Предполагается, что любые кризисы и исключения волшебным образом будут преодолены, а общество вновь войдет в привычную ценностно-институциональную *колею* либерализма, рынка и демократии, из которой оно все чаще и сильнее выпадает. Более того, «когда какие-то эмпирические явления слишком выходят за пределы прежней реальности, которая фиксируется доминирующим экономическим дискурсом, исследователи прибегают к использованию таких концептов, как “японское экономическое чудо”, “азиатские тигры”, “голландская болезнь” и т. д. Чудеса, болезни, тигры и т. д. – метафоры из сферы сверхъестественного. Чтобы включить соответствующие феномены в вербальные модели, экономисты прибегают к магическим артефактам, используя стиль фэнтези не менее мастеровито, чем знаменитый основоположник жанра Дж. Толкиен» [30, сс. 8-9]. Эти представления и приемы приверженцев экономического мейнстрима на практике разделяют популисты, которые сегодня все чаще бросают вызов истеблишменту. Набирающий обороты популизм, как правого, так и левого толка, – политическое воплощение этого *дискурса ремонта*, адресованного массам [31]. Подобная уверенность представителей неолиберального политологического мейнстрима в принципиальной неизменности как сложившегося, так и желательного социального порядка достойна удивления. Она не позволяет ответить на вопросы об истинных причинах социальных изменений, предлагая считать их *болезнью и патологией: недостойным правлением, зависимостью от предшествующего развития, эффектом колеи, социокультурной моделью “советского человека”* и иными досадными аномалиями. Однако социальная норма всегда сконструирована, выражая динамическое общественное согласие (консенсус), которое рано или поздно может быть отозвано, пересмотрено или может распасться в пользу новых коллективных общностей и доминирующих представлений о желаемых принципах и правилах совместного общежития.

В условиях радикальных глобальных перемен неолиберальный мейнстрим, подражающий формализованным и редукционистским математическим методам исследований, начинает радикально расходиться со сложной и противоречивой соци-

альной реальностью, а также новыми закономерностями ее воспроизводства [32]. Эти закономерности в человеческом обществе релятивны и не могут быть установлены навсегда в ситуации постоянно обновляющихся субъектов, целей и культурных и ресурсных контекстов, в которых они действуют. Социальный состав общества, иерархии коллективных интересов и даже целевые ориентиры одних и тех же людей меняются с движением истории. Поэтому любая мейнстримная теория однажды перестает коррелировать с реальными политическими процессами и закономерностями, обнаруживая идеологический контекст, который опровергает гипотезу, что однажды установленные общественные законы являются всеобщими и внеисторичными.

ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: ВАРИАНТЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МЕЙНСТРИМА

Усиление многополярности ценностно-институциональных иерархий умножает вариативность сценариев и приоритетов дальнейшего развития человечества. Аналогичные процессы происходят и на уровне социально-политических и экономических теорий, схватывающих общественные закономерности. Под влиянием новой социальной онтологии будут выстраиваться и новые иерархии политического знания. Ключевые вопросы о степени и самой возможности будущей унификации новых иерархий и ее ведущих субъектов остаются открытыми. Среди этих субъектов могут оказаться и политические элиты незападных государств (Россия, Китай, Бразилия, Индия и др.), и транснациональные корпорации, и сети глобальных городов, а также новые социальные группы, выходящие за рамки привычной классовой дихотомии рыночного общества, например прекариат, рентные группы, новые сословия, формируемые государством и т. д. Наконец, неясно, будут ли новые субъекты заинтересованы в активных попытках сделать собственные утопии всеобщими либо удастся сохранить политологический мейнстрим в модифицированном виде, расширив круг его бенефициаров.

Представляется, что в социальных науках наиболее убедительное видение причин кризиса неолиберального мейнстрима и его возможных альтернатив предлагают подходы, в рамках которых мировая экономика, право, глобальная политика и легитимирующие их идеологические конструкции рассматриваются как элементы единого целого. Прежде всего, это различные версии миростемного анализа (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин, Г. Дерлугьян и др.), дающего возможность системным образом описывать определяющее влияние исторических, географических, культурных,

экономических факторов на становление политологического мейнстрима. Достаточно близки к подобным методологическим основаниям и разные версии неомарксизма (Ф. Джеймисон, П. Бурдьё, М. Буравой, Д. Харви, А. Негри, Т. Пикетти, Б. Кагарлицкий и др.). Указанные направления образуют ценностную и теоретико-методологическую альтернативу неолиберальному политологическому мейнстриму. История политических и экономических наук выстраивается как идеологически ангажированная иерархия знания. Релятивность этой иерархии особенно ярко проявляется в случае, когда конкурирующие версии политической науки вытесняются в область преимущественно идеологии, в то время как своя версия считается преимущественно или даже исключительно научной. Так, например, для советской политической науки были характерны тексты, посвященные борьбе с *буржуазной идеологией, неравенством и эксплуатацией людей труда*, а апологеты *свободного рынка* посвятили немало публицистических страниц доказательствам неэффективности командно-административной системы управления экономикой и разоблачениям *тоталитаризма*. П. Ореховский отмечает, что общая ситуация в области мейнстрима характеризуется нарастающим *когнитивным застоем*: «...все большая часть работ посвящается апологетике режима частной собственности, свободы, креативности, а заодно критике дирижизма, изоляционизма, эгалитаризма; в то время как другая часть работ посвящается пропаганде сильного государства, социального альтруизма и справедливости, дополняемой критикой хищничества и эгоизма. В какие-то времена первые работы становятся мейнстримом и официозом, а вторые — “гетеродоксными направлениями” и андеграундом, но время от времени они меняются местами, выполняя необходимую и обществу, и экономической науке роль идеологий» [30, с. 4]. В сущности, обе эти разновидности подходов — все тот же *дискурс ремонта*. Ремонт если не капитализма в его идеализированном виде с соответствующими ценностями и добродетелями, то реформированного капитализма второй половины XX столетия. Поскольку обе эти разновидности капитализма (либертаристского и регулируемого) взаимно *портят* друг друга, то и подобный *дискурс ремонта* оказывается закольцованным и неистребимым.

Стоит отметить, что в рамках либеральной парадигмы нередко появляются работы и подходы, которые объективно способствуют ее демифологизации и критической ревизии. Например, неинституционализм М. Олсона прямо предполагает, что государство выступает в роли *стационарного* (оседлого) бандита, в том числе в условиях демократии [33]. Популярный труд Д. Норты, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса о *естественных государствах*

и обществах *открытого доступа* являет собой противоречивую попытку законсервировать мейнстримную мифологию западных наук об обществе и в то же время невольно разоблачает ее путем указания на основные конструктивные элементы данной мифологии [34]. Наконец, знаменитый тезис “*культура имеет значение*” объективно стал попыткой объяснить сопоставимую с западной экономическую эффективность иных культур путем приписывания им постфактум сходных с западными характеристик [35].

В настоящее время дискуссии о критике и переосмыслении политологического и, шире, обществоведческого мейнстрима разворачиваются на разных уровнях, начиная с пересмотра нормативных принципов неолиберальной политической философии и заканчивая разработкой альтернативных классификаций политических режимов и институтов. Глобальный экономический кризис как составная часть системного кризиса капитализма и падение влияния Запада обострили проблему релевантности теорий и методологий, образующих обществоведческий мейнстрим (И. Шапиро [36], Д. Харви [37], К. Крауч [19], В. Ефимов [38], П. Ореховский [39] и др.). Например, в 2018 г. анализу новейших вызовов мейнстриму экономической теории была посвящена масштабная конференция, организованная *Леонтьевским центром* [40]. Все больше исследователей выступают с критикой методологии политической науки, обусловленной господствующими теориями рационального выбора, естественного равновесия конкурентного рынка, редукционистскими математическими моделями, институциональными теориями и т. д., призванными скорее легитимировать иерархию обществ, основанную на *либерально-демократическом воображаемом*, нежели убедительно объяснить, а тем более предсказывать происходящие в реальном мире общественные трансформации. Как иронически замечает австралийский экономист Дж. Куггин, “если утверждается, что Великая депрессия, бум доткомов и нынешний глобальный финансовый кризис не противоречат гипотезе эффективного рынка, то что вообще она может сообщить нам о мире?” [10, с. 81]. Проблематика кризиса обществоведческого мейнстрима анализируется в новейших исследованиях, посвященных истории возвышения Запада. В них на обширном фактическом материале обосновываются гипотезы о том, что исторический рост как западных, так и незападных экономических субъектов происходил *вопреки* неолиберальным рецептам развития, которые современные мировые гегемоны навязывают странам периферии миросистемы [41].

В институциональных построениях западного экономического мейнстрима *современность* описывается как простой переход от *плохих* к *хорошим*

институтам (*открытое общество, порядок открытого доступа, инклюзивные институты*), впервые инициированный английской Славной революцией 1688 г. и укрепивший права собственности, лежащие в основе последующего экономического роста и промышленной революции. Более детальные исследования показывают идеологическую уязвимость и редуционизм подобной трактовки благотворного влияния рыночно-демократических политических и экономических институтов на экономический рост. Например, после Славной революции в течение последующего века доля английского государства в расходах ВВП резко выросла с 1–2 до 8–10%, “при этом средства шли не на развитие инфраструктуры или образование, а на военные цели и обслуживание государственного долга. Никакого сдвига к более защищенным правам налогоплательщиков не наблюдалось, и экономика Англии развивалась не благодаря, а вопреки резко возросшим налогам и расходам государства. Исторический нарратив, предлагаемый панинституционализмом, держится на предположении, что в доиндустриальных обществах права собственности отсутствовали даже формально или в лучшем случае существовали только на бумаге, подвергаясь непрерывным хищническим атакам со стороны элит. Многочисленные исторические исследования показывают, что этот нарратив – фикция: охраняемые права собственности стары как мир и существовали в десятках самых разных стран в самые разные периоды времени. Но если убрать из-под нортанской схемы эту опору, то рухнет вся конструкция” [42, с. 28].

Моральное, политическое, экономическое ослабление западной гегемонии и релятивизация легитимирующих социальных теорий замедляются сохранением непрочного консенсуса глобальных игроков, заинтересованных в приостановке перемен и экспериментировании в социально-политической области. Окончательный распад консенсуса внутри Запада, связанный с выходом на сцену новых классовых субъектов, а также между Западом и растущими незападными центрами влияния ведет к все более открытым конфликтным и конкурентным сценариям экономического, политического, культурного и, возможно, военного взаимодействия в мире. В процессе этих коммуникаций будет фундаментально пересмотрена иерархия мирового политического порядка и легитимирующих его теорий. В то же время с уменьшением влияния прежних субъектов доминирования, а также утратой эвристичности отвечающих их интересам научных теорий появляются предпосылки для формирования новых парадигм. Точки роста социально-политического знания очевидным образом будут связаны с утратой доверия к ценностным основаниям глобального либерального политико-

экономического порядка, с критикой этих оснований и попытками выработки более убедительных альтернативных парадигм.

В современном многосоставном обществе ситуация усложняется тем, что в нем всегда присутствует конфликт между его понятийными описаниями в различных классовых и геополитических перспективах. Аналогичный конфликт описаний мы можем увидеть и в глобальном разрезе, в центр-периферийной иерархии обществ, включенных в капиталистическую миросистему на разных условиях и ориентированных на разные доступные ресурсы. Актуальная глобальная конкуренция за контроль и передел сфер влияния обретает вид дипломатических, политических и военных конфликтов, обостряя противостояние ведущих центров силы, в том числе на уровне нормативных описаний глобального мира, критериев современности, прогресса и справедливого общества.

В подобном онтологическом и историческом контекстах убедительность ядра политологического мейнстрима зависит от его способности адекватного переосмысления изменений глобальной социальной онтологии и принципов социальной стратификации. В текущий период усиливаются запросы новых социальных групп на альтернативные принципы социальной стратификации и распределения ресурсов, связанные не с классово-рыночными, но с рентно-сословными механизмами, когда ключевая *метафора рынка* все чаще вытесняется альтернативным механизмом *рентного доступа*. Становление *общества без экономического роста и массового труда* обуславливает трансформацию политологического мейнстрима в пользу теорий, описывающих контуры глобального будущего преимущественно в нерыночных и некапиталистических, а, возможно, и в нелиберальных категориях. Альтернативные варианты распределения общественных ресурсов и описывающие их концепции будут связаны с пересмотром подходов, гарантирующих большинству достойный базовый уровень жизни в ситуации вероятной стагнации или слишком медленного роста общей ресурсной базы. Это неизбежная дискуссия о новом общественном порядке, позволяющем интегрировать *опасные классы и лишних людей* и трансформировать политологический мейнстрим, который все чаще обнаруживает границы своей способности к пониманию социально-политических и экономических процессов, формирующих альтернативное ценностно-институциональное ядро нового социального порядка. Все более релевантны понятия, идеологии и концепции, адекватные новому общественному состоянию, описываемому в рентно-сословных категориях. Пандемия *COVID-19* фактически катализировала все намечившиеся социальные изменения, в том числе те, которые представлялись

в рамках неолиберального мейнстрима как маргинальные (прямая государственная поддержка бизнеса; социальная политика, ориентированная на безусловный основной доход; ограничение индивидуальных прав и свобод в пользу безопасности и т. д.) [43].

В силу фоновых онтологических факторов обострения глобальной внеэкономической конкуренции за ресурсы, появления новых мировых субъектов, изменения социальной и экономической структуры обществ неолиберальный мейнстрим вступает в фазу полураспада, раслаиваясь на: 1) различные национальные и цивилизационные версии, соответствующие интересам новых центров экономической и политической силы, а также 2) версии, которые адекватны интересам новых социальных групп, идущих на смену привычным экономическим классам, выражающим интересы либо капитала, либо труда.

РЕФЛЕКСИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО МЕЙНСТРИМА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ценностные и методологические приоритеты российской политологии во многом обусловлены процессами, развертывающимися в мировой и российской политике [44]. Долгое время главный вектор развития отечественной политологии определялся заимствованием (часто некритичным) огромного массива западных мейнстримных теорий, от которых российское общественное сознание было изолировано по идеологическим причинам. В этот период господствовали методологические и мировоззренческие установки транзитологических теорий, постулировавших неизбежность перехода к *идеальным типам* демократии и капитализма, существующим в *развитых странах*. Российские исследователи, разделяющие доминирующий *универсальный* категориальный аппарат описания общества, замечали преимущественно лишь отклонения от должного социального идеала. Например, тоталитаризм (авторитаризм), усиление феноменов социальной *архаики* (А. Ахиезер) и *властесобственности* (Н. Плискевич), *недостойное правление* (В. Гельман), неопатримониализм (Ш. Эйзенштадт, А. Фисун, Н. Розов, М. Ильин), неофеодализм (В. Шляпентох, Я. Старцев), коррупцию, которые необходимо преодолеть в логике транзита, модернизации и движения к обществу *открытого доступа*, находящегося на идеологической вершине ценностно-институциональной иерархии западноцентричного политического знания. Однако более важная проблема состояла в том, что вся подобная *институциональная архаика* постепенно обнаружилась и в обществах центра капиталисти-

ческой миросистемы. Вместе с тем значительно архаичнее оказались механизмы реального воспроизводства и взаимодействия элит западных обществ, образующие *слепое пятно* политических теорий. Западные общества идеализируются в идеологической оптике неолиберального мейнстрима. Но чем дальше, тем сильнее он уступает альтернативным взглядам *на нормальное общество, которые генерируются вне Запада*. Соответственно, все типические интеллектуальные приемы мейнстрима с пространственным выносом феноменов социальной архаики в периферийные общества, схоластические интеллектуальные игры в *либерально-демократическую норму и отклонения от нее* будут вызывать все более глубокие сомнения на фоне пересмотра глобальных иерархий власти и знания. Это значит, что патологию/отсталость/архаику начнут *замечать* и в ядре социально-политических реалий гегемонов мейнстрима при смене интеллектуальной перспективы [45]. Поэтому нелиберальное, недемократическое и нерыночное ядро обществ-гегемонов, которое мейнстрим до некоторых пор замечал только в периферийных/отсталых социумах, начнет фиксировать его в виде эмпирических фактов, признавать и *нормализовать в качестве всеобщего* формата политических коммуникаций и институтов, не преодоленных нигде, кроме *идеологических самоописаний и политической риторики* западных обществ.

Почему вообще появились идеологические самоописания западных обществ, в которых недемократическое ядро было якобы преодолено и заменено другим? Они были инициированы ситуациями, когда поднимающийся класс национальной буржуазии боролся за власть и влияние и *нуждался в поддержке низов* против старых элит, потом — против геополитических конкурентов, еще далее — против советской угрозы. Но это не означало, что буржуазия сама по себе действительно хочет *открытого доступа*. Сама по себе буржуазия, живя *под защитой* абсолютистских или конституционных монархий, на протяжении столетий охотно интегрировалась в *естественные порядки* закрытого доступа, покупая дворянские звания, привилегии и пр. Иными словами, требующиеся ей идеологические самоописания в духе приверженности порядкам *открытого доступа* были ситуативны, инструментальны, что проявлялось всегда, когда она чувствовала себя под защитой крепкой государственной власти — от стремления установить разного рода цензовые режимы до фашистских экспериментов и олигархизации современных демократий. И в условиях глобального кризиса *свободного рынка* эти легитимирующие самоописания обесцениваются и слезают, как кожа, как нечто, по большому счету, факультативное.

В подобном глобальном контексте специфика национальной политической науки в значительной мере определяется положением страны в мировой экономике и ее ролью в глобальной политике. Попытки отстоять или изменить свое положение предполагают если не формирование идеологии, альтернативной доминирующей в глобальном масштабе, то попытки выработать ее версию, отличающуюся от мейнстримной. Специфика полупериферийного положения России в глобальной экономике влечет за собой соответствующие изменения в социальной структуре. Это предопределяет неудачу попыток ее убедительного *нормативного описания* в современных, классовых и рыночных категориях неоллиберального мейнстрима. Невозможность релевантного аналитического описания российского общества сама по себе свидетельствует об исчерпанности неоллиберальных парадигм политологического знания, в рамках которых не нашлось адекватных и *непатологических описаний* социальным явлениям и взаимодействиям, образующим реальную ткань российского общества, а не того, какими они *должны быть в оценках внешних прогрессоров*. Усиливающейся альтернативой поверхностным классификациям в *категориях должного* становятся описания социальной структуры и политического порядка российского общества в альтернативных понятиях и метафорах квазисловий и квазирынков, ренты и *раздатка* (С. Кордонский, О. Бессонова, Ю. Плюснин, С. Барсукова и др.). Отчасти разочарование в эффективности прямого переноса западных теорий на отечественную почву обернулось всплеском цивилизационных и националистических концепций, подчеркивающих социокультурную специфику СССР и России, постижимую только с помощью *аутентичных* методов, своего рода политологии для мира России (А. Панарин, С. Кара-Мурза, В. Цымбурский и др.).

Неоллиберальный язык мейнстрима описывает и легитимирует уходящую онтологию западного общества. Соответственно, российскому обществу нет смысла занимать место на периферии уходящих в историю классификаций политических режимов и иерархий описаний, чье идеологическое измерение не позволяет осуществлять позитивную легитимацию любого российского политического порядка с точки зрения внешних бенефициаров подобного дискурса. Таким образом, для российских обществоведов поиск *натянутых* объяснений по поводу всевозможных *отклонений* от идеальной модели либерально-демократической политической онтологии западного капитализма становится все более бессмысленным. Ибо от этой модели отклоняется не только Россия, но и весь остальной мир, включая Запад. Положение российского общества в оптике неоллиберального мейнстрима описывается через *зависимость* или *периферий-*

ность. Однако распад америкоцентричного мира дает шанс для альтернативных концепций, в которых вмененная неоллиберальным мейнстримом *отсталость* может стать преимуществом при поисках языков описания и легитимирующих концепций нового политического порядка.

* * *

Кризис мейнстрима политической науки представляет собой следствие глобальной перестройки сложившихся ранее властных, экономических, институциональных, интеллектуальных и моральных иерархий. И как кризис он осмысливается только теряющими привычные позиции лидерами разрушающихся иерархий. В ситуации перехода от одного порядка к другому усиливается гетерархия, появляются различные ценностно-институциональные альтернативы. Трансформируется нормативный язык описания как ключевой элемент *мягкой силы*, создающий целостную картину мира, которая не всегда согласуется с действительностью, а если точнее — предназначена для ее изменения. В случае неоллиберального мейнстрима мы имеем дело с языком описания, уже изменившим глобальный мир к выгоде его бенефициаров и потому кажущимся для обществ центра мирозкономики адекватным его описанием, фиксирующим установленную ценностно-институциональную иерархию власти/знания/ресурсов. Главным генератором глобальных альтернатив выступают общества полупериферии миросистемы и новые социальные группы, которые либо были отодвинуты с лидирующих позиций, либо впервые набрали политический и экономический вес для того, чтобы войти в пул бенефициаров иного глобального политического порядка.

Начавшийся пересмотр глобальной иерархии знания и власти может привести к обнаружению того обстоятельства, что либерально-демократические и рыночные ценности и институты, которые представлялись в качестве универсального ядра Современности/Модерна, окажутся лишь довольно тонким *защитным слоем*, с помощью которого глобальная западная гегемония получала свое идеологическое обоснование. *Ослабление военно-политической и экономической гегемонии и углубляющийся кризис неоллиберального мейнстрима позволяют увидеть, что западные и незападные общества имеют гораздо больше общего в функционировании своего ценностно-институционального ядра, чем различий*. Общее ядро воспроизводится преимущественно с помощью тщательно маскируемых неоллиберальными элитами нерыночных механизмов социальной архаики, которая в публичном дискурсе выносятся во внешнюю для обществ-гегемонов реальность, приписываясь только периферийным и отсталым обществам, нуждающимся в *модерни-*

зации и коррекции. Идеологическое отрицание собственного ценностно-институционального ядра, базирующегося на механизмах властесобственности, наследственном воспроизводстве элит и все более активном распределении общественных ресурсов с помощью государства, чья доля в расходах ВВП крупных западных экономик достигает 40–50%, является ключевым противоречием нелиберального мейнстрима. Сохранять этот парадокс от критики все трудней в условиях, когда множество незападных обществ становятся успешней, влиятельнее и богаче, невзирая на реальные или воображаемые проблемы с рынком, демократией и либерализмом. Основной вопрос заключается в том, кто, как и в отношении чего в обозримом будущем будет пытаться задавать стандарты социально-политического и экономического устройства общества. В каких сферах универсальные стандарты норм, ценностей и институтов окажутся востребованными на национальном и локальном уровнях. В какой степени описание конкурирующих обществ будет осуществляться не столько в идеологических категориях, сколько в категориях, более приземленных и приближенных к повседневности миллиардов людей, — голода и сытости, комфо-

та и возможностей, бытовой свободы, здоровья, удовлетворенности жизнью и т. д., поскольку под убедительными идеологическими и научными категориями всегда лежит обобщенная повседневность. Упадок мейнстрима позволяет вернуться к исследованию укорененных социальных практик и институтов, ценностей и групп, лежащих в основании социальных порядков различных *неправильных* обществ, в которых живет подавляющая часть человечества. Гетерогенные политические порядки тоже позволяют достичь общественного согласия и жить не хуже *правильных обществ (иногда и лучше)*, не прибегая к либерально-демократической *онтологии должного*. В подобной ситуации обнаруживаются вся ненадежность и поверхностность легитимирующих рыночных метафор и коммуникаций, надстраиваемых над толщей реципрокных, дистрибутивных, рентно-сословных и иных обменов, образующих фундамент любого современного политического порядка, включая либеральные демократии.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ и ЭИСИ (“опи”) № 20-011-31025 “Альтернативы политологическому мейнстриму в условиях кризиса глобального политического порядка”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Старцев Я. Ю. 60 тезисов о языке политической науки. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2013, т. 13, № 3, сс. 67–77. [Startsev Ya. Yu. 60 tezisov o yazyke politicheskoi nauki [60 Theses on the Language of the Political Science]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2013, vol. 13, no. 3, pp. 67–77.]
2. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира*. Социология XXI века. Москва, Логос, 2004. 368 с. [Wallerstein I. *Konets znakomogo mira*. Sotsiologiya XXI veka [The End of the Familiar World. Sociology of the XXI century]. Moscow, Logos, 2004. 368 p.]
3. Фишман Л. Г. *В ожидании Птолемея*. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург, УрО РАН, 2004. 168 с. [Fishman L. G. *Vozhidanii Ptolemeya*. Transformatsiya metaparadigmy sotsial'no-politicheskikh nauk [Waiting for Ptolemy. Transformation of the Metaparadigm of Socio-Political Sciences]. Ekaterinburg, UrO RAN, 2004. 168 p.]
4. Кондрашов П. Н., Вахрушева Е. А. наброски к истолкованию диалектики Фредрика Джеймсона. *Электронный философский журнал Vox*, 19.12.2015. [Kondrashov P. N., Vakhrusheva E. A. Nabroski k istolkovaniyu dialektiki Fredric Jameson [Approaching the Interpretation of Dialectics of Fredric Jameson]. *Elektronnyi filosofskii zhurnal Vox*, 19.12.2015.] Available at: <http://vox-journal.org/content/Vox19/Vox19-KondrashovPN.pdf> (accessed 20.04.2020).
5. Мартьянов В. С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2009, т. 9, сс. 230–248. [Mart'yanov V. S. Gosudarstvo i geterarkhiya: sub'ekty i faktory obshchestvennykh izmenenii [State and Hierarchy: Actors and Factors of Social Change]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2009, vol. 9, pp. 230–248.]
6. Вахрушева Е. А. Критика глобализации и антиглобалистские стратегии Фредрика Джеймсона. *Полития*, 2016, № 1, сс. 43–53. [Vakhrusheva E. A. Kritika globalizatsii i antiglobalistskie strategii Fredric Jameson [Criticism of Globalization and the Anti-Globalist Strategies of Fredrick Jameson]. *Politiya*, 2016, no. 1, pp. 43–53.]
7. Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. Москва, Изд. дом ВШЭ, 2019. 416 с. [Fishman L. G., Mart'yanov V. S., Davydov D. A. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy]. Moscow, Izd. dom VSE, 2019. 416 p.]
8. Мейсон П. *Посткапитализм: гид по нашему будущему*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с. [Mason P. *Postkapitalizm: gid po nashemu budushchemu* [Post-Capitalism: a Guide to Our Future]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 416 p.]
9. Пикетти Т. *Капитал в XXI веке*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с. [Piketti T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 592 p.]
10. Куиггин Дж. *Зомби-экономика: Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас*. Москва, Изд. дом ВШЭ, 2016. 272 с. [Quiggin J. *Zombi-ekonomika: Kak mertvyue idei prodolzhayut bluzhdat' sredi nas* [Zombie Economics: How Dead Ideas Keep Wandering Among Us]. Moscow, Izd. dom VSE, 2016. 272 p.]

11. Фишман Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 152-165. [Fishman L.G. Liberal'nyi konsensus: dreif ot neoliberalizma k kommunitarizmu? [Liberal Consensus: a Drift from Neoliberalism to Communitarianism?]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 152-165.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.10>
12. Мартъянов В. Прошай, средний класс. *Свободная мысль*, 2016, № 5 (1659), сс. 53-70. [Mart'yanov V. Proshchai, srednii klass [Farewell to the Middle Class]. *Svobodnaya mysl'*, 2016, no. 5, pp. 53-70.]
13. Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск, НГУ, 1995. 532 с. [Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Novosibirsk, NGU, 1995. 532 p.]
14. Мартъянов В.С., Фишман Л.Г. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России. *Вопросы философии*, 2016, № 10, сс. 58-68. [Mart'yanov V.S., Fishman L.G. Etika dobrodeteli dlya novykh soslovii: transformatsiya politicheskoi morali v sovremennoi Rossii [Ethics of Virtue for the New Classes: the Transformation of Political Morality in Modern Russia]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68.]
15. Фишман Л.Г. Упадок демократии и “закат” политологии. *Полития*, 2008, № 3, сс. 79-88. [Fishman L.G. Upadok demokratii i “zakat” politologii [The Decline of Democracy and the “Demise” of Political Science]. *Politiya*, 2008, no. 3, pp. 79-88.]
16. Браун В. Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта. *Неприкосновенный запас*, 2018, № 4, сс. 99-129. [Brown V. Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovuyvaet gosudarstvo i sub'ekta [The Destruction of Democracy: How Neoliberalism Transforms the State and the Subject]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2018, no. 4, pp. 99-129.]
17. Лэш К. *Восстание элит и предательство демократии*. Москва, Логос, 2002. 224 с. [Lash K. *Vosstanie elit i predatei'stvo demokratii* [The Rise of the Elites and the Betrayal of Democracy]. Moscow, Logos, 2002. 224 p.]
18. Урбинати Н. *Искаженная демократия. Мнение, истина и народ*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2016. 448 с. [Urbinati N. *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod* [Distorted Democracy. Opinion, Truth and People]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2016. 448 p.]
19. Крауч К. *Постдемократия*. Москва, Изд. дом. ВШЭ, 2010. 192 с. [Crouch K. *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Moscow, Izd. dom. VSE, 2010. 192 p.]
20. Майр П. *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с. [Mayr P. *Upravlyaya pustotoi. Razmyvaniye zapadnoi demokratii* [Managing the Void]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2019. 216 p.]
21. Claassen C. In the Mood for Democracy? Democratic Support as Thermostatic Opinion. *American Political Science Review*, 2020, vol. 114, iss. 1, pp. 36-53. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055419000558>
22. Burnheim J. *Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics*, London, Polity Press, 1985. 205 p.
23. Allison G. The Myth of the Liberal Order. *Foreign Affairs*, July/August 2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-06-14/myth-liberal-order> (accessed 20.04.2020).
24. Porter P. A World Imagined: Nostalgia and Liberal Order. *CATO Institute, Policy Analysis*, no. 843, June 5, 2018. Available at: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/world-imagined-nostalgia-liberal-order> (accessed 20.04.2020).
25. Bruff I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism, Rethinking Marxism. *Journal of Economics, Culture & Society*, 2014, vol. 26, iss. 1, pp. 113-129. DOI: <https://doi.org/10.1080/08935696.2013.843250>
26. Борох О.Н. Современный китайский взгляд на историю экономической мысли. *Общественные науки и современность*, 2019, № 2, сс. 91-103. [Borokh O.N. Sovremennyi kitaiskii vzglyad na istoriyu ekonomicheskoi mysli [The modern Chinese view of the history of economic thought]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2019, no. 2, pp. 91-103.]
27. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт. *Социологические исследования*, 2002, № 10, сс. 3-11. [Alexander J. Prochnye utopii i grazhdanskii remont [Durable Utopia and Civil Repair]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 10, pp. 3-11.]
28. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*, 2001, № 1, сс. 6-16. [Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social Change as Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001, no. 1, pp. 6-16.]
29. Фридман Т. *Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века*. Москва, АСТ, 2014. 640 с. [Friedman T. *Ploskii mir 3.0. Kratkaya istoriya XXI veka* [The World is Flat 3.0. A Brief History of the XXI Century]. Moscow, AST, 2014. 640 p.]
30. Ореховский П.А. *Структуры когнитивности и российские реформы: Научный доклад, препринт*. Москва, Институт экономики РАН, 2019. 47 с. [Orekhovskii P.A. *Struktury kognitivnosti i rossiiskie reformy: Nauchnyi doklad, preprint* [Cognitive Structures and Russian Reforms: Scientific Report, Preprint]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2019. 47 p.]
31. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 3, сс. 55-70. [Fishman L.G. Populizm – eto nadolgo [Populism Will Be Long Lasting]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 3, pp. 55-70.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04>
32. Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2014, т. 14, № 2, сс. 5-52. [Efimov V.M. Kak kapitalizm, universitet i matematika sformirovali magistral'noye napravlenie ekonomicheskoi distsipliny [How capitalism, university and mathematics formed the mainstream of economic discipline]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 5-52.]

33. Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development. *The American Political Science Review*, 1993, vol. 87, no. 3, pp. 567-576.
34. Норт Д., Вайнгаст Б., Уоллис Д. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с. [North D., Weingast B. and Wallis D. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Order. Conceptual Framework for the Interpretation of the Written History of Mankind]. Moscow, Izd-vo Instuta Gaydara, 2011. 480 p.]
35. Харрисон Л., Хантингтон С., под ред. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. Москва, МШПИ, 2002. 320 с. [Harrison L., Huntington S., eds. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters. How Values Contribute to Social Progress]. Moscow, MShPI, 2002. 320 p.]
36. Шапиро И. *Бегство от реальности в гуманитарных науках*. Москва, Изд. дом ВШЭ, 2011. 368 с. [Shapiro I. *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [The Escape from Reality in the Humanities]. Moscow, Izd. dom VSE, 2011. 368 p.]
37. Харви Д. *Краткая история неолитерализма*. Москва, Поколение, 2007. 288 с. [Harvey D. *Kratkaya istoriya neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism]. Moscow, Pokolenie, 2007. 288 p.]
38. Ефимов В.М. *Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики*. Москва, ИНФРА-М, 2016. 352 с. [Efimov V.M. *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, istoriya i issledovatel'skie praktiki* [Economic science is in doubt: other methodology, history and research practices]. Moscow, INFRA-M, 2016. 352 p.]
39. Кошовец О.Б., Ореховский П.А. Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке. *Общественные науки и современность*, 2018, № 5, сс. 143-157. [Koshovets O.B., Orekhovskii P.A. *Strukturalist skaya revolyutsiya i metamorfozy ekonomicheskoi teorii: ot nauki k skazke* [Structuralist revolution and metamorphoses of economic theory: from science to fairy tale]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2018, no. 5, pp. 143-157.]
40. Заостровцев А.П., под ред. *Экономическая теория: триумф или кризис?* Санкт-Петербург, Леонтьевский центр, 2018. 292 с. [Zaostrovstsev A.P., ed. *Ekonomicheskaya teoriya: triumf ili krizis?* [Economic Theory: Triumph or Crisis?]. St. Petersburg, Leont'evskii tsentr, 2018. 292 p.]
41. Чхан Х.Д. *Злые самаритяне: миф о свободной торговле и секретная история капитализма*. Москва, Манн, Иванов и Фербер, 2018. 245 с. [Chan H.D. *Zlye samarityane: mif o svobodnoi trgovle i sekretnaya istoriya kapitalizma* [Evil Samaritans: the Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 245 p.]
42. Капелюшников Р.И. *Contra панинституционализм. Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы*. Заостровцев А.П., ред. Санкт-Петербург, Леонтьевский центр, 2019. сс. 7-31. [Kapelyushnikov R.I. *Contra paninstitutsionalizm [Contra Pan-Institutionalism]. Institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya: istoriya, problemy i perspektivy* [Institutional economic theory: history, problems and prospects]. Zaostrovstsev A.P., ed. St. Petersburg, Leont'evskii tsentr, 2019, pp. 7-31.]
43. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. После пандемии: от оптимизированного старого к новому миру? *Свободная мысль*, 2020, № 3, сс. 9-28. [Mart'yanov V.S., Fishman L.G. *Posle pandemii: ot optimizirovannogo starogo k novomu miru?* [After the Pandemic: From an Optimized Old to a New World?]. *Svobodnaya mysl'*, 2020, no. 3, pp. 9-28.]
44. Мартьянов В.С. Парадигмы российской политологии. *Полития*, 2009, № 1, сс. 167-181. [Mart'yanov V.S. *Paradigmy rossiiskoi politologii* [Paradigms of Russian Political Science]. *Politiya*, 2009, no. 1, pp. 167-181.]
45. Миллс Ч. *Властвующая элита*. Москва, Директмедиа Паблишинг, 2007. 844 с. [Mills Ch. *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite]. Moscow, Direktmedia Publishing, 2007. 844 p.]

SOCIAL SCIENCES AND GLOBAL TURBULENCE: REBOOTING THE MAINSTREAM

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 100-113)

Received 01.08.2020.

Viktor S. MART'YANOV (martianov@instlaw.uran.ru),

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, S. Kovalevskoi Str., Ekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Leonid G. FISHMAN (lfishman@yandex.ru),

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, S. Kovalevskoi Str., Ekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute of Social Research ("онн"). Project no. 20-011-31025 "Alternatives to Political Mainstream amidst the Crisis of the Global World Order".

After the collapse of the bipolar world, the neoliberal mainstream emerged in the global hierarchy of social sciences, built on three axiomatic pillars: Western domination, capitalism (free market) and liberalism (the value of individual autonomy). Nowadays, one can more and more often witness criticism and disintegration of the mainstream, which claimed the universality of descriptions and legitimation of modern societies that have reached the end of history in the form of open-access liberal market democracies. The purpose of the article is to find out how transformations of the prevailing political and economic orders, configurations of the subjects of geopolitical dominance and their legitimate

metaphors determine the direction of changes in the social sciences mainstream. The hypothesis of the research is that the prevailing principles of stratification and distribution of public resources will be less and less valuable and institutionally related to capitalism, market and democracy, since an appeal to the latter does not lead to an increase in the available opportunities for the majority of the population in practice. The global change in social ontology, the structure of economic reproduction and legitimate foundations of the political order bring about a drop in the credibility and relevance of mainstream concepts focused on the axiomatics of market values and liberal rhetoric. Intellectual attempts to restore the relevance of the neoliberal mainstream through the construction of local utopias (flat world, creative class, knowledge economy, etc.), the introduction of complementary concepts of civil repair (J. Alexander), sociocultural trauma (P. Shtompka), unworthy government (bad governance), dependence on previous development (path dependence) or gauge (N. Rozov) do not save from growing conceptual stretch. Formation of a society without tangible economic growth and a declining need for mass labor leads to the inevitable transformation of the mainstream. Alternative and peripheral theories that describe the contours of a global future mainly in non-market, non-capitalist and, possibly, non-liberal categories are becoming more influential. These are concepts that fix new formats for the distribution of public resources, less and less connected with the market, democracy and hegemony of the West, but increasingly – with rental mechanisms, distributive political regulation and differentiated value of different social groups for the national state.

Keywords: social sciences, mainstream, metaphor, alternative, crisis of legitimation, center-periphery, rent, rental society, social ontology, social stratification.

About authors:

Viktor S. MART'YANOV, Candidate of Political Science, Director;

Leonid G. FISHMAN, Doctor of Political Science, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-100-113